

Для цитирования: Выдрин О. В.
 Электоральная конкуренция на выборах
 представительных органов
 местного самоуправления в г. Челябинске:
 до и после реформы 2014 г. //
 Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 69—82.
 DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82.

УДК 324

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ВЫБОРАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В Г. ЧЕЛЯБИНСКЕ: ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2014 Г.¹

Выдрин Олег Владимирович,
 Челябинский государственный университет,
 старший преподаватель кафедры
 политических наук и международных
 отношений.
 Челябинск, Россия.
 E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье на примере формирования представительных органов местного самоуправления в г. Челябинске исследуется динамика электоральной конкуренции на протяжении четырех электоральных циклов с 2005 по 2019 гг.

Особенное внимание уделяется влиянию на электоральную конкуренцию перехода Челябинска в 2014 г. к двухуровневой модели формирования органов местного самоуправления.

Цель. Целью исследования является изучение динамики электоральной конкуренции на муниципальных выборах в Челябинске до и после реформы 2014 г.

Методы. Эмпирическую основу исследования составила база данных «Электоральная конкуренция на выборах муниципальных депутатов Челябинска (2005—2019)», включающая 414 единиц наблюдения. Анализ эмпирического материала осуществлен по методике треугольника относительных размеров Г. В. Голосова, предложенной им для классификации партийных систем и адаптированной для анализа выборов в одномандатных округах.

Научная новизна. Научная новизна исследования состоит в предложении автором методики анализа электоральной конкуренции на выборах в одномандатных округах. Впервые анализируется феномен «управляемой конкуренции» на материале 4 циклов муниципальных выборов.

Результаты. Проведенный анализ позволяет говорить о колебаниях электоральной конкуренции, ее снижении в 2009 и 2014 гг. по сравнению с выборами 2005 г.

и нарастании к выборам 2019 г.

Выводы. «Управляемая конкуренция» сформировалась в Челябинске в период, предшествующий реформе 2014 г. Реформа ввела уровень местного самоуправления, эффективность и необходимость которого неочевидна при существующем дизайне избирательной системы. В ходе реформы окончательно закрепились принципал-агентская модель отношений между органами местного самоуправления и органами государственной власти. Реформа способствовала консервации «управляемой конкуренции».

Ключевые слова:

реформа местного самоуправления,
 выборы,
 избирательные системы,
 электоральная конкуренция,
 двухуровневая модель,
 муниципальное политическое лидерство,
 треугольник относительных размеров Голосова

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-41-1-740004 «“Спящая реформа”: институциональные и психологические факторы трансформации муниципального политического лидерства в Челябинском городском округе».

Введение

На протяжении первых двух десятилетий XXI в. электоральное пространство России претерпело существенную трансформацию, выраженную как в эволюции избирательно-го законодательства, так и в меняющейся роли партийного фактора. Подобные изменения коснулись не только принципов формирования федеральной и региональной власти, но и не в меньшей степени, затронули уровень местного самоуправления. При этом эксперты, в целом отмечая снижение электоральной конкуренции и предсказуемость российских выборов [2; 15], считают, что есть достаточное количество примеров, свидетельствующих о сохранении политической конкуренции на выборах в органы местного самоуправления (далее МСУ) [23].

Для анализа влияния реформирования избирательной системы на характер электоральной конкуренции информативным кейсом, на наш взгляд, оказывается г. Челябинск, который, являясь ядром крупной городской агломерации, испытал на себе все основные последствия реформирования избирательной системы за последние двадцать лет. Значимой вехой на этом пути стало участие Челябинска с 2014 г. в реформе, направленной на формирование двухуровневой модели МСУ в городских округах. Став наряду с Самарой и Махачкалой пилотным участником преобразований, Челябинск накопил электоральный опыт, обращение к которому позволяет оценить эффективность и потенциал реформы [3].

Трансформация российской избирательной системы является заметным объектом научного интереса, распадающегося на исследования изменений законодательных основ выборов и работы, анализирующие региональные и локальные практики применения разных избирательных систем. По мнению специалистов в сфере нормативной стороны выборов, законодательство, регулирующее деятельность политических партий и организацию избирательного процесса, эволюционировало, исходя из внутренней логики, связанной со стремлением власти удержать свои позиции в условиях меняющейся конъюнктуры [11; 20]. Анализ поправок в избирательное законодательство позволяет зафиксировать их весомый вклад в резкое ограничение политической конкуренции. Одними из главных выделяются поправки, ограничивающие свободный и равный доступ к выборам посредством сужения круга участников избирательного процесса [19]. На неоправданно высокие ба-

рьеры для вхождения в электоральный процесс, равно как и заведомо неравный доступ его участников к ресурсам (от финансовых до медийных) в электоральном пространстве современной России обращает внимание В. Я. Гельман. Он указывает на «изначально несправедливые “правила игры”, призванные обеспечить победу инкубентов независимо от предпочтений избирателей» [4, с. 66].

Оценивая влияние законодательных изменений на характер электоральных процессов, исследователи фиксируют дрейф электорального пространства «от высокого уровня репрезентативности к ограниченному межпартийному соперничеству» [24, с. 43, 51]. «Ужесточение избирательного законодательства» приводило к снижению институциональной ценности партий и их роли в политической системе [16]. Различные избирательные тенденции, существовавшие в России первых десятилетий XXI в., представлены исследователями И. С. Пасхиной и К. О. Телиным в виде периодизации, включающей 4 этапа: 2003—2008 гг. — ужесточающие избирательные реформы; 2009—2010 гг. — «принудительная партизация»; 2011—2013 гг. — либерализация электоральных норм; 2014 г. — по н. в. — тренд к управляемой конкуренции. Таким образом, отмечается, что современная российская политическая система постепенно переходит в состояние «управляемой конкуренции» [24, с. 47].

Исследования избирательных систем и электоральных процессов на муниципальном уровне касаются как общего дизайна системы выборов на местном уровне [27], так и разбирают отдельные кейсы, связанные с электоральной конкуренцией на местах [22, 23; 25 и др.]. Результаты муниципальных выборов в Челябинске и Челябинской области, проанализированные в ряде исследований, касаются отдельных электоральных циклов [9; 10] и на данный момент не позволяют получить общее представление об особенностях электоральной конкуренции на муниципальном уровне. Изменения в электоральных процессах на муниципальном уровне рассматриваются Р.Ф. Туровским через призму концепции локальных политических режимов, в которой муниципальный уровень власти оценивается с точки зрения пространственной дифференциации общенационального политического режима и с учетом специфических черт локального уровня политики [28].

Целью нашего исследования является изучение динамики электоральной

конкуренции на муниципальных выборах в Челябинске до и после реформы 2014 г., в ходе которой была введена двухуровневая модель МСУ. Предметом исследования стали результаты избирательных кампаний 2005, 2009, 2014 и 2019 гг. Оценка динамики электоральной конкуренции требует выбора и обоснования ее репрезентативных измерителей, а также анализа изменения норм избирательного законодательства, которое определяет дизайн местных выборов. Мы попытаемся не только проанализировать основные типы электоральной конкуренции в ходе формирования муниципальных органов власти в Челябинске, но и ответить на вопрос о влиянии электоральной конкуренции на сменяемость муниципальной политической элиты.

Электоральная конкуренция как научная дефиниция. Измерители электоральной конкуренции. Методы и материалы исследования

О конкуренции в политике как важном факторе, влияющем на качество законотворческой деятельности, определяющем эффективность политического представительства и общественного контроля за политическими элитами, поддерживающем устойчивость политической системы пишут многие [7; 12; 14]. В широком смысле политическая конкуренция может трактоваться как совокупность механизмов, обеспечивающих действие основных форм народовластия: референдум, выборы, функционирование представительных органов, порядок формирования исполнительных и судебных органов власти [18, с. 62]. Более детальную характеристику этого явления дают В. Н. Шилов и А. П. Рылкина, понимая под политической конкуренцией символическую борьбу, соперничество за обладание властью, когда результаты соперничества определяет третья сторона [30, с. 179—180, 184]. Таким образом, исследователи, рассматривая политическую (в ряде случаев «межпартийную») конкуренцию как часть политического процесса, сущностной чертой которого является соперничество за различные ресурсы, часто сводят ее проявление к электоральной борьбе [1; 14]. Наконец, в ряде классических исследований электоральная конкуренция, по сути, приравняется к политической [33; 35].

Понятие электоральная конкуренция имеет две характеристики. Количественная — уровень электоральной конкуренции,

выражающийся в распределении электоральных предпочтений. Качественная — эффективность электоральной конкуренции, выражающаяся в способности электоральных механизмов разрушать монополию отдельных фракций локальной элиты на доступ к важнейшим управленческим позициям [9, с. 69]. Характер связи между ними во многом зависит от дизайна избирательной системы.

В современной исследовательской практике для измерения и оценки уровня электоральной конкуренции применяются различные способы, основанные на данных электоральной статистики. Самыми простыми являются: 1) количество кандидатов (партий) в бюллетене для голосования [8, с. 88]; 2) процент отсева кандидатов при регистрации (разность между числом выдвинутых и числом зарегистрированных кандидатов, деленная на число выдвинутых кандидатов) [17]; 3) разрыв между первым и вторым кандидатом (партиями) [26; 31]; 4) суммарная доля голосов, полученных всеми кандидатами (партиями), кроме победителя [35]; 5) процент мест, подконтрольных второй по величине партии [6].

Вариантом учета ряда электоральных показателей для сравнения конкуренции на выборах трех уровней является индекс, учитывающий сумму процентов голосов, полученных всеми проигравшими кандидатами, количество кандидатов, отрыв победителя (в процентах) и процент голосов, полученных победителем [9, с. 74—75].

Для анализа уровня электоральной конкуренции российскими исследователями применяются и более сложные расчеты, многие из которых используются для измерения партийной фрагментации парламента. Первым из этого ряда следует указать индекс Херфиндаля — Хиршмана (HHI), возникший и используемый в экономической науке [23].

Широкое распространение имеет практика вычисления эффективного числа электоральных партий (кандидатов) как в классическом его варианте (индекс Лааксо — Таагеперы) [21; 24], так и модифицированном — индекс Голосова [32]. Стоит отметить, что весь богатый опыт измерения уровня электоральной конкуренции относится почти целиком к следующим типам избирательных систем: 1) избрание должностного лица по мажоритарной системе; 2) избрание представительного органа по пропорциональной системе; 3) избрание представительного органа по смешанной системе (оцениваются только результаты по пропорциональной системе) [29].

При оценке электоральной конкуренции в ходе избрания представительных органов по плюральной системе в одномандатных округах возникает проблема выведения единого агрегированного показателя для всех округов. Как оценить уровень электоральной конкуренции, если пространство конкуренции представляет собой несколько десятков отдельных распределений электоральных предпочтений?

Способ решения этой проблемы предлагается В. С. Ковиным и Р. И. Петровой посредством расчета эффективного числа кандидатов (по формуле Лааксо — Таагеперы), которое представляется релевантным для выявления уровня конкуренции, но с включением в анализируемые данные доли недействительных бюллетеней [13, с. 25]. Кроме того, ими вводится шкала, по которой округа распределяются по значению эффективного числа кандидатов на следующие типы: неконкурентные округа — до 2,5, слабоконкурентные — от 2,5 до 3,5, среднеконкурентные — от 3,5 до 4,5, высококонкурентные — от 4,5 [13, с. 35]. Для оценки конкуренции в ходе всей избирательной кампании в муниципалитете авторы вычисляют среднее арифметическое от эффективного числа кандидатов всех избирательных округов.

Вычисление среднего эффективного числа кандидатов не всегда позволяет получить корректные результаты ввиду значительного разброса электоральных показателей при большом количестве округов.

Поэтому в рамках данного исследования предлагается адаптация методики треугольника относительных размеров, предложенной Г. В. Голосовым для классификации партийных систем и дополняющей способы вычисления эффективного числа партий [5]. Данная методика предполагает распределение результатов голосования во множестве округов в двумерном пространстве, разбитом на сегменты внутри равнобедренного прямоугольного треугольника. Результаты голосования в каждом отдельном округе визуально представляются в виде точки, имеющей две координаты. Абсцисса вычисляется по формуле $x = (s_2 + s_r) / (s_1 + s_r)$, а ордината — $y = (s_3 + s_r) / (s_1 + s_r)$. Г. В. Голосов выделяет в рамках треугольника три типа партийных систем [5, с. 110]: с доминирующей партией, двухпартийную и многопартийную, каждая из которых имеет два подтипа (рис. 1).

При применении данной методики для анализа электоральной конкуренции при

избрании представительного органа в одномандатных округах требуется терминологическое уточнение (табл. 1).

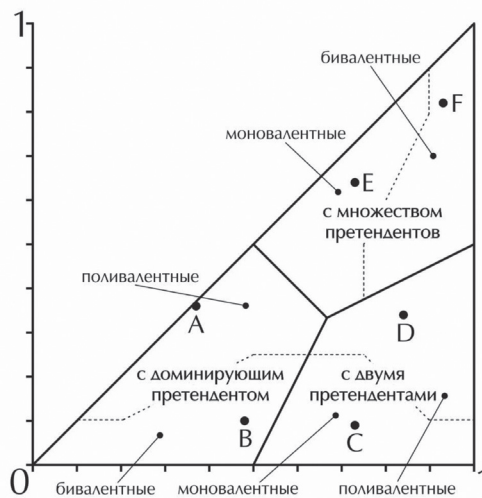

Рис. 1. Треугольник относительных размеров с указанием сегментов

Эмпирическую основу исследования составила база данных «Электоральная конкуренция на выборах муниципальных депутатов Челябинска (2005-2019)». Единицами наблюдения выступили одномандатные округа (по 37 округов в 2005 и 2009 гг. и по 170 округов в 2014 и 2019 гг., итого 414 единицы наблюдения). Набор переменных был обусловлен структурой итоговых протоколов, информация из которых публикуется в информационной системе «Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления» на сайте izbirkom.ru.

Наряду с переменными, взятыми из электоральной базы (фамилии кандидатов, количество голосов и доля голосов полученная каждым кандидатом; число избирателей, внесенных в список на момент окончания голосования; субъекты выдвижения кандидатов), были включены (или вычислены) следующие данные: доля избирателей, принявших участие в голосовании; количество кандидатов в избирательном бюллетене; участие в выборах действующего депутата; победа в округе действующего депутата; делегирование районным советом победителя в округе в городскую думу (для 2014 и 2019 гг.); отрыв (в %) между первым и вторым кандидатом; индекс Лааксо — Таагеперы и индекс Голосова; значения x и y для треугольника Голосова.

Таблица 1

**Соответствие типов партийных систем Г.В. Голосова
типам избирательных округов по уровню конкуренции**

Типы партийных систем (по Г. Голосову)	Типы округов (по уровню конкуренции)	Характеристика	Пример распределения долей (с координатами)
Повивалентная с доминирующей партией	Повивалентный с доминирующим претендентом	У доминирующего претендента несколько равных преследователей	60 %; 14 %; 13 %; 13 % A (0,37; 0,36)
Бивалентная с доминирующей партией	Бивалентный с доминирующим претендентом	У доминирующего претендента один преследователь крупнее остальных	64 %; 29 %; 4 %; 3 % B (0,48; 0,1)
Моновалентная двухпартийная	Моновалентный с двумя претендентами	Один из двух претендентов получает более 50 % голосов	55 %; 40 %; 5 % C (0,73; 0,09)
Повивалентная двухпартийная	Повивалентный с двумя претендентами	Каждый из двух претендентов набирает менее 50 %, остальные значительно отстают	45 %; 36 %; 8 %; 7 %; 4 % D (0,84; 0,34)
Моновалентная многопартийная	Моновалентный с множеством претендентов	Лидирующий кандидат набирает менее 50 %, преследователи отстают	40 %; 25 %; 20 %; 9 %; 6 % E (0,73; 0,64)
Бивалентная многопартийная	Бивалентный с множеством претендентов	Более двух претендентов с близкими результатами	33 %; 30 %; 25 %; 7 %; 5 % F (0,93; 0,82)

Итоги муниципальных выборов в Челябинске и динамика электоральной конкуренции

За период с 2005 по 2019 г. в Челябинске прошли 4 избирательных кампании по формированию представительных органов местного самоуправления — 2005, 2009, 2014 и 2019 гг. При этом в 2005 и 2009 гг. выборы проводились в рамках одноуровневой системы, предполагающей прямые выборы в городскую Думу по 37 одномандатным округам. В 2014 и 2019 гг. в рамках двухуровневой системы прямые выборы стали применяться только для формирования районных советов с дальнейшим делегированием их представителей согласно квоте в городскую Думу.

Подробная информация о кандидатах в органы МСУ и участии политических партий в муниципальных выборах представлена в табл. 2.

Выборы **2005 г.** характеризовались низкой активностью политических партий. Только 4 партии (9,5 %) из 42 приняли участие в избирательной кампании. Даже не все парламентские партии участвовали в выборах, несмотря на отсутствие необходимости сбора подписей для выдвижения кандида-

тов. Это отчасти объясняется продолжением начального этапа институционализации политических партий после принятия закона 2001 г. и введением нормы о необходимости к 1 января 2006 г. каждой партии иметь не менее 50 000 членов в масштабах страны. Наряду с незаинтересованностью партий можно констатировать незначительное влияние партийной принадлежности кандидатов на результаты голосования. Из 205 выдвинувшихся кандидатов только 59 представляли политические партии. Из 146 самовыдвиженцев были зарегистрированы и попали в избирательные бюллетени 109 человек. В ходе кампании 26 мандатов из 37 получили самовыдвиженцы, кандидаты от «Единой России» выиграли в 10 из 18 округов (табл. 2), причем в 4 из 8 проигранных округов кандидаты от «Единой России» получили меньше голосов, чем альтернатива «Против всех кандидатов». Социал-демократическая партия России победила в 1 из 2 округов, где приняла участие. Кандидаты от ЛДПР выдвинулись в 26 округах, КПРФ — в 13, но кандидаты от обеих партий не одержали ни одной победы. В 18 округах второе место по количеству голосов получил вариант «Против всех кандидатов». Доля инкубентов составила 30 % (11 депутатов),

**Участие политических партий
в выборах представительных органов г. Челябинска (2005—2019)**

	2005	2009	2014	2019
Число партий	42	14	69	59
Число партий, участвующих в избирательной кампании	4	6	12	9
Число партий, кандидаты от которых стали победителями	2	1	5	6
Число кандидатов от партий	59	131	545	547
Число кандидатов от Единой России	18	33	166	161
Число победителей от Единой России	10	22	156	133
Число кандидатов-самовыдвиженцев	109	84	514	381
Число победителей-самовыдвиженцев	26	15	8	19
Среднее количество кандидатов в бюллетене	4,54	5,81	6,22	5,46

среднее число кандидатов в бюллетене — 4,54.

В целом на выборах 2005 г. 30 (81,1 %) из 37 округов относились к округам с множеством претендентов, что говорит о высоком уровне конкуренции (рис. 2; табл. 3).

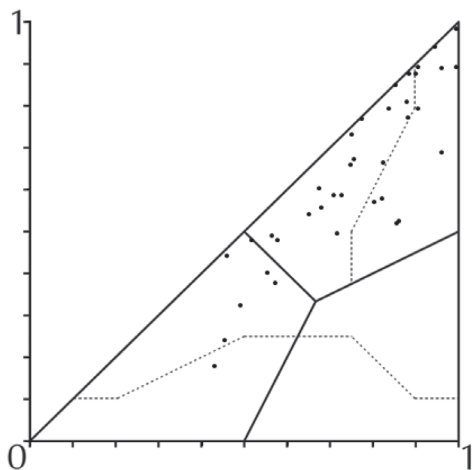

Рис. 2. Распределение 37 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов Городской думы г. Челябинска, 2005 г.

Выборы **2009 г.** проходили в ситуации значительных изменений, которым подверглось партийное и избирательное законодательство. Был отменен порог явки, из бюллетеня для голосования исключена графа «Против всех кандидатов», проявились результаты повышения минимальной численности членов для политических партий. Эти нововведения изменили характер избирательного процесса: привели к сокращению количества политических партий (одновременно увеличив для оставшихся стимулы к участию в муниципальных выборах). Из 252 выдвинувшихся кандидатов

политические партии представляли 148, остальные 104 — самовыдвиженцы. Были зарегистрированы в качестве кандидатов и попали в бюллетени 131 и 84 соответственно. Таким образом соотношение кандидатов от партий и самовыдвиженцев серьезно поменялось, что проявилось и в итогах голосования. Самовыдвиженцы одержали победу в 15 (40,5 %) округах, в остальных 22 мандаты получили кандидаты от партии «Единая Россия» (табл. 2). В целом «Единая Россия» выиграла в $\frac{2}{3}$ округов, в которых выдвигала кандидатов. Кроме нее активное участие приняли следующие партии: «Справедливая Россия» (36 кандидатов), КПРФ (31 кандидат), ЛДПР (28 кандидатов). Партии «Яблоко» и «Патриоты России» приняли символическое участие, выдвинув 1 и 2 кандидатов соответственно. Доля инкубентов в данном созыве составила 65 % (24 депутата), при этом из 22 одержавших победу единоросов 17 являлись инкубентами, причем 9 из них в предыдущем электоральном цикле избирались как самовыдвиженцы. Среднее число кандидатов в бюллетене выросло до 5,81.

По сравнению с 2005 г. на выборах в 2009 г. доля округов с множеством претендентов значительно снизилась — с 30 (81, %) до 17 (46 %). Кроме того, исход выборов позволяет отнести 17 (46 %) округов к округам с доминирующим претендентом (рис. 3; табл. 3). Из них в 15 округах этого типа победа была одержана инкубентами.

К выборам **2014 г.** партийная и избирательная системы подверглись еще большим изменениям, часть из которых произошли на федеральном уровне, другие были обусловлены реализацией в Челябинске реформы МСУ. К этому времени заметной общефедеральной тенденцией стало снижение барьеров для регистрации политических партий, что привело к их активизации на выборах.

Таблица 3

**Распределение одномандатных округов
по типу электоральной конкуренции (2005—2019)**

		Округа с доминирующим претендентом	Округа с двумя претендентами	Округа с множеством претендентов	Итого
2005	N	7	0	30	37
	доля (%)	18,9	0	81,1	100
2009	N	17	3	17	37
	доля (%)	46	8,1	45,9	100
2014	N	97	4	69	170
	доля (%)	57	2,4	40,6	100
2019	N	25	8	137	170
	доля (%)	14,7	4,7	80,6	100

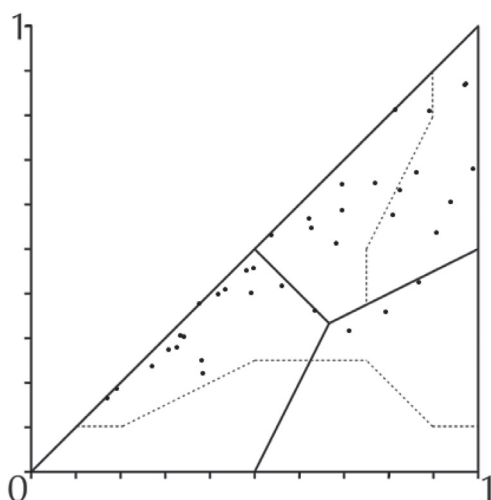

Рис. 3. Распределение 37 одномандатных округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов Челябинской городской Думы, 2009 г.

Из факторов региональной и локальной политики необходимо отметить смену главы региона в 2010 г., которая помимо прочего означала окончание весьма распространенного типа конфликта «губернатор vs мэр административного центра региона». Новый губернатор М. В. Юревич (бывший мэр Челябинска, избранный на второй срок в 2009 г.), опираясь на поддержку большинства в городской думе инициировал переход Челябинска к двуглавой модели МСУ (с сити-менеджером и спикером — главой города). Проблема выбора новой электоральной модели неоднократно возникала в повестке работы Челябинской городской Думы и по отношению к самой себе. Весной 2013 г. последовало решение о переходе от мажоритарной к смешанной системе голосования. Однако к осени 2013 г. после внесения изменений в федеральное и региональное

избирательное законодательство произошел откат назад и стал обсуждаться проект о возврате к избранию муниципальных депутатов по одномандатным округам. Этот проект воплотился в норму в январе 2014 г.¹

Но уже в конце весны 2014 г. был принят и вступил в силу федеральный закон, вносящий изменения в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Эти изменения передавали региональным законодателям право определения моделей местного самоуправления на территории субъекта РФ и давали возможность создания двухуровневой модели МСУ в городских округах. В июне 2014 г. Законодательное Собрание Челябинской области воспользовалось обеими опциями³: в ходе подготовки к выборам депутатов районных советов в

¹ Изменения в Устав г. Челябинска от 26 марта 2013 г. № 41/4 // Официальный сайт Администрации г. Челябинска. URL: https://chelduma.ru/normatives/archive/files/4Re_dum_2009-2014_41-54.zip (дата посещения: 05.11.2021); Изменения в Устав г. Челябинска от 28 января 2014 г. № 48/3. URL: https://chelduma.ru/normatives/archive/files/4Re_dum_2009-2014_41-54.zip (дата посещения: 05.11.2021).

² Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2014/05/30/samoupravlenie-dok.html> (дата посещения: 05.11.2021).

³ Закон Челябинской области «О статусе и границах Челябинского городского округа и внутригородских районов в его составе» от 10 июня 2014 г. № 706-30 // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328978> (дата посещения: 05.11.2021); Закон Челябинской области «Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе» от 10 июня 2014 г. № 703-30 // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328974> (дата посещения: 05.11.2021).

сентябре 2014 г. была проведена перенарезка избирательных округов, количество которых возросло до 170 (по 25 округов в 6 районах и 20 в 1 районе). Для формирования городской думы был выбран механизм делегирования в ее состав депутатов от районных советов с единой квотой 7 депутатов от района. Таким образом, численность городской думы увеличилась с 37 до 49 депутатов. Нужно отметить, что закон допускал и допускает другой способ формирования представительного органа городского округа с внутригородскими районами — муниципальные выборы на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Особенностью выборов по новой схеме стали, по сути, нулевые фильтры при выдвижении и регистрации кандидатов (отсутствие необходимости сбора подписей). Избирательная кампания 2014 г. характеризовалась многократным увеличением числа кандидатов. Причем повышенный интерес к новой системе выборов проявился как со стороны самовыдвиженцев, так и политических партий. Участие в выборах приняли кандидаты от 12 (17,4 %) из 69 политических партий. На выборах в райсоветы выдвинулось 589 (49 %) кандидатов от партий и 614 (51 %) самовыдвиженцев. В избирательные бюллетени попали 545 (51 %) кандидатов от партий и 514 (49 %) самовыдвиженца. При этом среднее число кандидатов в бюллетене выросло незначительно, однако достигло своего максимального значения — 6,22. Отметим, что представители 5 партий получили депутатские мандаты в районных советах. Только в 8 округах (4,7 %) победа была одержана самовыдвиженцами, при этом в думу был делегирован только один районный депутат из числа самовыдвиженцев (табл. 2). В каждом из 7 районных советов «Единая Россия» обеспечила себе квалифицированное большинство, получив от 88 до 100 % мандатов, что позволило ей делегировать в состав городской думы 46 депутатов из своего состава.

Кроме «Единой России» участие в выборах приняли ещё 11 партий, наибольшую активность проявили парламентские партии: ЛДПР в 135 округах, КПРФ — 95, «Справедливая Россия» — 70. Стоит обратить внимание на особенности участия кандидатов от ЛДПР. В силу того, что закон не ограничивает право гражданина выдвигаться в качестве кандидата одновременно на выборах в разные органы власти и МСУ, то целый пул кандидатов от ЛДПР воспользовался этим очень активно. 25 кандидатов выдвинулись одновременно

в двух районах Челябинска, а 2 в трёх районах. В результате 27 человек обеспечили символическое присутствие партии ЛДПР в 56 округах. Нужно заметить, что данная практика не является уникальной и заслуживает отдельного исследования. По итогам голосования ЛДПР победила в 1 округе, а КПРФ — в 3. В целом оппозиционные партии получили 6 мандатов из 170, а самовыдвиженцы — 8. Интересным при таком распределении мандатов в районных советах является делегирование в городскую думу депутатов райсовета от ЛДПР (В. Л. Пашин) и от КПРФ (К.О. Нацевский). Эти два избранных депутата одновременно были кандидатами на выборах главы региона, но не вели активных кампаний и получили суммарно 9,35 % голосов (победитель — кандидат от «Единой России» — Б. А. Дубровский получил 86,37 %). Косвенным свидетельством негласного соглашения между тремя партиями является не только делегирование оппозиционных депутатов в городскую думу при том, что они были единственными представителями своих партий в районных советах, но и выбывание после регистрации кандидатов от «Единой России» в округах, в которых они боролись за мандат депутата районного совета.

Результаты голосования в 2014 г. свидетельствуют о продолжении снижения электоральной конкуренции: доля округов с множеством претендентов сократилась до 40,6 %. Соответственно до 57 % возросла доля округов с доминирующим кандидатом (рис. 4; табл. 3). Из 37 депутатов прежнего созыва 26 депутатов приняли участие в выборах районные советы и стали победителями. Число инкубентов в городской думе составило 19 депутатов из 49 (в силу серьезных изменений в численности и способе формирования городской думы под инкубентами здесь понимаются не переизбранные в своих округах депутаты предыдущего созыва, а депутаты предыдущего созыва, избранные в новый состав Челябинской городской Думы). Из 19 инкубентов — 15 были избраны в 2009 г. от «Единой России», 4 являлись самовыдвиженцами. Еще 7 депутатов городской думы созыва 2009—2014 гг. избралась в районные советы Челябинска, но не были делегированы в городскую думу.

В период, предшествующий выборам 2019 г., правила принципиально не изменились, хотя всерьез рассматривался вопрос о возможности возврата Челябинска к прежней одноуровневой модели. В мае 2019 г. губернатор Челябинской области Алексей Текслер, выступая перед депутатами

регионального Законодательного собрания, поднял вопрос о совершенствовании двухуровневой системы местного самоуправления в г. Челябинске. В преддверии выборов в Советы депутатов внутригородских районов он подчеркнул, что муниципальная реформа стартовала в Челябинске как «пилотный проект с целью максимально приблизить муниципальную власть к людям», но своей цели не достигла. При этом было принято решение дать реформе второй шанс: «В целом у системы «город с внутригородскими районами» существует потенциал, и его стоит попытаться раскрыть. Если мы это сделаем в предстоящем пятилетнем цикле, значит такой системе быть. Если — нет, к следующим выборам мы вернемся к прежней системе, когда депутаты Гордумы избирались жителями Челябинска напрямую»¹.

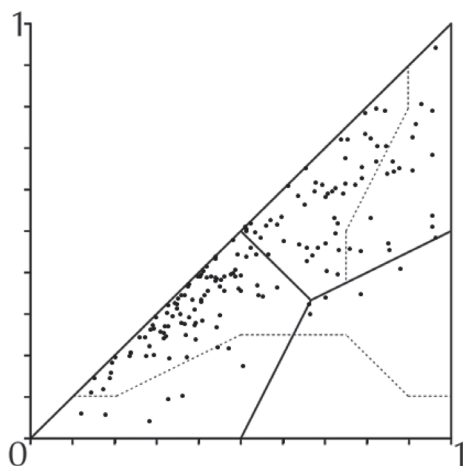

Рис. 4. Распределение 170 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов районных советов г. Челябинска, 2014 г.

Общее количество политических партий с 2014 к 2019 году сократилось с 69 до 59. Из них участие в выборах в Челябинске приняли кандидаты только от 9 (15,3 %). По сравнению с выборами 2014 г. снизилось общее число кандидатов. От партий было выдвинуто 596 кандидатов (547 попали в избирательные бюллетени). Количество самовыдвиженцев сократилось до 431 и 381 соответственно. Среднее количество кандидатов в бюллетене снизилось до 5,46.

¹ Обращение Алексея Текслера к депутатам Законодательного Собрания Челябинской области // Губернатор Челябинской области. Официальный сайт. 2019. 20 мая. URL: <https://gubernator74.ru/news/obraschenie-alekseya-tekslera-k-deputatam-zakonodatelnogo-sobraniya-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 06.11.2021).

В большинстве округов были выдвинуты кандидаты от парламентских партий: «Единая Россия» — 161, ЛДПР — 109, «Справедливая Россия» проявила себя активнее чем в 2014 г. — 106, КПРФ — 100. ЛДПР повторила практику выдвижения одного человека кандидатом одновременно в разных районах: 18 человек обеспечили участие ЛДПР в 37 округах. Участие большинства непарламентских партий носило символический характер. Так, «Родина» выдвинула в каждом из 7 районов по одному кандидату, «Партия пенсионеров» выдвинула 13 кандидатов в округах одного района.

По итогам голосования 19 самовыдвиженцев стали районными депутатами, трое из них вошли в состав городской думы. Из числа кандидатов, выдвигавшихся от оппозиционных партий, представители 6 партий получили 18 депутатских мандатов в районных советах. Лучший результат продемонстрировала «Справедливая Россия» — 8 депутатов (5 было делегировано в городскую думу). Снижение числа победителей наблюдается у партии «Единая Россия» — 133 против 156 на выборах 2014 г. Тем не менее «Единой России» удалось сохранить большинство во всех районных советах (доля мандатов составила от 60 до 90 %) и обеспечить большинство в городской думе — 40 против 46 на выборах 2014 г. (табл. 2).

Конкуренция на выборах 2019 г. увеличилась: до 80,6 % возросла доля избирательных округов с множеством претендентов, округа с доминирующим кандидатом составили менее 15 % (рис. 5, табл. 3).

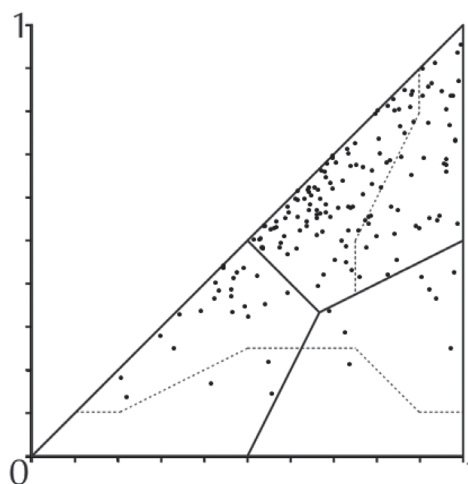

Рис. 5. Распределение 170 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов районных советов г. Челябинска, 2019 г.

С одной стороны, результаты голосования свидетельствуют о росте электоральной конкуренции по сравнению с выборами 2014 г. После выборов 2019 г. состав городской думы претерпел существенные изменения (по персональному составу), что отчасти объясняется сменой поколений [3, с. 254]. Из 48 депутатов городской думы (данные на 1 июня 2019 г.): 10 не участвовали в выборах 2019 г., 4 участвовали, но проиграли, 34 победили на выборах в районные советы, но только 18 из них были делегированы в состав городской думы (доля инкубентов — 37 %). Значительные изменения произошли в руководящем составе, в отличие от 2014 г., когда 7 из 11 мест в Президиуме городской думы заняли инкубенты, в 2019 г. таких стало только 3 — новый председатель городской Думы, его заместитель и руководитель фракции «Единая Россия».

На 1 ноября 2021 г. за весь период функционирования Челябинской городской Думы, формируемой по новой модели/(с 2014 г.), было 8 случаев сложения полномочий депутатов городской думы. Причины были разные (от возбуждения уголовного дела до перехода на руководящие должности в органы региональной власти), но в каждом случае сопровождалось сложением полномочий депутата районного совета.

Заключение

Накануне перехода к двухуровневой модели МСУ в 2014 г. в Челябинске уже, по сути, сформировалось состояние «управляемой конкуренции», в условиях которой уровень электоральной конкуренции слабо влияет на ее эффективность. Это выражается в низких возможностях оппозиционных групп оспаривать властные позиции посредством электоральных механизмов.

Это состояние стало возможным не только благодаря изменению в федеральном избирательном и партийном законодательстве, но и сплочению местной и региональной элиты под эгидой партии «Единая Россия». Важной вехой стало наделение полномочиями главы региона М. В. Юревича, что фактически завершило конфликт «губернатор vs мэр административного центра региона».

Наметившийся еще в 2009 г. тренд на утрату кандидатами-самовыдвиженцами своих позиций не удалось переломить и в ходе их резкой активизации на выборах 2014 г., что подтвердилось в ходе следующей избирательной кампании. При этом среднее количество кандидатов в округе продолжает оставаться на достаточно вы-

соком уровне (более 5), что достигается за счет кандидатов от политических партий. При этом оппозиционные партии получили возможность одержать победу главным образом в тех округах, в которых «Единая Россия» по разным причинам отозвала своих кандидатов в ходе избирательной кампании.

Реформа 2014 г. стала важной вехой вписывания МСУ в систему публичной власти не только в Челябинске, где была введена двухуровневая модель МСУ, но и во всей стране вследствие передачи права определения модели и дизайна МСУ от самих муниципалитетов региональной власти. Это фактически окончательно закрепило принципал-агентские отношения между МСУ и органами государственной власти. В Челябинске появление районного уровня МСУ, по сути, не сопровождалось обретением районами самостоятельной роли. Городская власть воспроизводит те же принципы взаимодействия, по которым выстраивает отношения с ней региональная власть. И если городские власти являются агентами трёх принципалов [28, с. 160], то районные власти фактически превращаются в агентов четырех принципалов.

Дизайн избирательной системы, определенный при введении в Челябинске двухуровневой модели МСУ, имеет ряд особенностей.

Во-первых, механизм делегирования в городскую думу менее $\frac{1}{3}$ районных депутатов при небольшом объеме переданных районам полномочий превращает $\frac{2}{3}$ депутатов в коллегии выборщиков, лишенных реальной власти. При этом и в вопросах делегирования депутатов в городскую легислатуру они во многом лишены субъектности. Процедура делегирования не прописана в Уставах районов и регламентах районных советов депутатов и в большей степени регулируется неформальными договоренностями и внутрипартийными процедурами (формально носящими рекомендательный характер). Районные депутаты не играют решающей роли и в вопросах назначения глав районов на конкурсной основе, где большим весом обладает позиция городской администрации.

Во-вторых, актуален вопрос насколько идея двухуровневого устройства МСУ соответствует изначальному замыслу реформы — более гибкого реагирования на потребности городских сообществ через снижение нормы представительства в одномандатных округах? При избранной модели депутаты городской думы представляют

избирателей 29 % округов, избиратели от остальных округов фактически не имеют своего представительства в городской думе. Ситуацию могло бы скорректировать введение принципа периодической ротации состава городской думы в течение одного срока полномочий районных советов. Такая схема была заложена в Самаре в 2015 г., но не была реализована на практике.

Итогом внедрения двухуровневой модели МСУ можно считать консервацию состояния «управляемой конкуренции». Колебание доли конкурентных округов в 2014 и 2019 гг. не влияло на доминирование «Единой России» в районных советах и тем более в городской думе. При этом произошла заметная ротация на уровне персон, являющаяся результатом внутривнутрипартийной конкуренции. Поэтому на данный момент смену модели МСУ Челябинска из-за неудовлетворенности региональной власти дизайном избирательной системы можно оценивать как маловероятный сценарий.

1. Алисова Л. Н., Гончаров Л. А. Институт межпартийной конкуренции в структуре современного парламентаризма // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1. С. 59—66.

2. Вишневецкий Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3, № 2. С. 287—295.

3. Выдрин О. В., Зорин В. А. «Спящая реформа»: практики внедрения двухуровневой системы местного самоуправления в городских округах // Политическая наука. 2021. № 2. С. 229—259.

4. Гельман В. Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Политика. 2012. № 4 (67). С. 65—88.

5. Голосов Г. В. К классификации партийных систем в демократиях, шаг второй: отнесение единиц к категориям // Г. В. Голосов. Сравнительная политология и российская политика, 2010—2015 : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 65—96.

6. Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 113—142.

7. Елисеев С. М. Институциональный дизайн как фактор развития политической конкуренции в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 3. Ч. I. С. 40—46.

8. Заикин А. А. Политическая борьба и законотворческая деятельность в условиях

современного парламентаризма (на примере Законодательного собрания Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2020. 163 с.

9. Зорин В. А. Конкурентность муниципальных выборов в Челябинской области в 2005—2007 гг. // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. Т. 2. Челябинск : Рекпол, 2008. С. 69—78.

10. Зырянов С. Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году // Социум и власть. 2014. № 6. С. 8—20.

11. Иванова М. В. Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: региональные, национальные и бизнес-элиты // Политическая наука. 2015. № 1. С. 114—127.

12. Кинзерская И. Л. Политическая конкуренция в контексте результатов выборов 2011—2012 гг. // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 2. С. 80—89.

13. Ковин В. С., Петрова Р. И. Методика анализа конкурентности на местных выборах (на примере промышленных «малых городов» Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 4. С. 19—43.

14. Коробов А. А., Чернявский А. И. Политическая конкуренция в контексте теории устойчивости регионального развития // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1 (52). С. 27—33.

15. Курочкин А. В. Укрепление и укоренение политических партий в России: процесс институционализации в условиях ограниченной электоральной конкуренции: монография. Чебоксары : Среда, 2021. 264 с.

16. Кынев А. В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот // Неприкосновенный запас. 2020. № 1 (129). С. 62—75.

17. Кынев А. Управление конкурентной-2020. Политическая конкуренция, итоги выдвижения и регистрации на региональных и местных выборах 13 сентября 2020 года. URL: <https://liberal.ru/reports/7650> (дата обращения: 03.11.2021)

18. Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренции в бизнесе? // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 61—69.

19. Лукьянова Е. А., Порошин Е. Н. Парламент и выборы: парламентские портреты в интерьере избирательного законодательства // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 102—112.

20. Любарев А. Е., Коргунюк Ю. Г., Михалева Г. М. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 218—225.

21. Любарев А. Е., Шагин С. А. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012—2018 гг. // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 189—207.

22. Мархинин В. В. (мл.) Политический плюрализм и итоги реформы региональной избирательной системы в электоральном цикле 2016 г. (по материалам обследования местных избирательных кампаний в УрФО) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, вып. 2. С. 217—227.

23. Мухаметов Р. С. Политическая конкуренция на муниципальных выборах (на примере Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 68—74.

24. Пасхина И. С., Телин К. О. "Партия ноль": российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43—53.

25. Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 105—112.

26. Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. URL: <https://carnegie.ru/2013/12/25/ru-pub-55853> (дата обращения: 03.11.2021)

27. Трудолюбов А. С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России // Политическая наука. 2019. № 2. С. 95—123.

28. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12. С. 159—167.

29. Туровский Р. Ф., Корнеева Е. М., Васеленко О. С. Электоральная активность на муниципальных выборах в посткоммунистических странах // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 10. С. 121—132.

30. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика.

Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 176—184.

31. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Динамика политической конкуренции в России в постперестроечный и постсоветский периоды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 164—175.

32. Шагин С. А. Электоральный цикл 2012 — 2016 гг. и партийные системы в российских регионах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 2 (56). С. 263—273.

33. Dahl R. A. Polyarchy: participation and opposition. New Haven : Yale University Press, 1971. 257 p.

34. Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia // East European politics. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 310—327.

35. Vanhanen T. Democratization: a comparative analysis of 170 countries. London: Routledge, 2003. 302 p.

References

1. Alisova L.N., Goncharov L.A. (2019) *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 1, pp. 59—66 [in Rus].

2. Vishnevskij B.L. (2007) *POLITEKS*, vol. 3, no. 2, pp. 287—295 [in Rus].

3. Vydrin O.V., Zorin V.A. (2021) *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 229—259 [in Rus].

4. Gel'man V.Ya. (2012) *Politiya*, no. 4 (67), pp. 65—88 [in Rus].

5. Golosov G.V. (2016) *Sravnitel'naya politologiya i rossijskaya politika, 2010—2015*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 668 p. [in Rus].

6. Dzhandan K. (2010) *Politicheskaya nauka*, no. 6, pp. 113—142 [in Rus].

7. Eliseev S.M. (2012) *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta*, iss. 3, part. I, pp. 40—46 [in Rus].

8. Zaikin A.A. (2020) *Politicheskaya bor'ba i zakonotvorcheskaya deyatel'nost' v usloviyah sovremennogo parlamentarizma (na primere Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga)*. Thesis. St. Petersburg, 163 p. [in Rus].

9. Zorin V.A. (2008) *Trudy kafedry novejshej istorii Rossii Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol 2. Chelyabinsk, Rekol, pp. 69—78 [in Rus].

10. Zyryanov S.G. (2014) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 8—20 [in Rus].

11. Ivanova M.V. (2015) *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 114—127 [in Rus].

12. Kinzerskaya I.L. (2012) *POLITEKS*, vol. 8, no. 2, pp. 80—89 [in Rus.].
13. Kovin V.S., Petrova R.I. (2016) *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no. 4, pp. 19—43 [in Rus.].
14. Korobov A.A., Chernyavskij A.I. (2016) *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, no. 1 (52), pp. 27—33 [in Rus.].
15. Kurochkin A.V. (2021) Ukreplenie i ukorenenie politicheskikh partij v Rossii: process institucionalizacii v usloviyah ogranichennoj elektoral'noj konkurencii. *Cheboksary, Sreda*, 264 p. [in Rus.].
16. Kynev A.V. (2020) *Neprikosnovennyj zapas*, no. 1 (129), pp. 62—75 [in Rus.].
17. Kynev A. (2020) Upravlenie konkurenciej-2020. Politicheskaya konkurenciya, itogi vydvizheniya i registracii na regional'nyh i mestnyh vyborah 13 sentyabrya 2020 goda, Available at: <https://liberal.ru/reports/7650>, accessed 03.11.2021. [in Rus.].
18. Luk'yanova E.A. (2007) *Sovremennaya konkurenciya*, no. 3, pp. 61—69 [in Rus.].
19. Luk'yanova E.A., Poroshin E.N. (2019) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 102—112 [in Rus.].
20. Lyubarev A.E., Korgunyuk Yu.G., Mihaileva G.M. (2018) *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanij*, no. 3, pp. 218—225 [in Rus.].
21. Lyubarev A.E., Shpagin S.A. (2018) *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanij*, no. 4, pp. 189—207 [in Rus.].
22. Marhinin V.V. (ml.) (2018) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 2, iss. 2, pp. 217—227 [in Rus.].
23. Muhametov R.S. (2015) *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, no. 3 (143), pp. 68—74 [in Rus.].
24. Paskhina I.S., Telin K.O. (2017) *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 43—53 [in Rus.].
25. Petrov Yu.D., Grigor'ev N.A. (2018) *Vlast'*, vol. 26, no. 7, pp. 105—112 [in Rus.].
26. Petrov N., Titkov A. (2013) Rejting demokratichnosti regionov Moskovskogo Centra Karnegi: 10 let v stroyu. Available at: <https://carnegie.ru/2013/12/25/ru-pub-55853>, accessed 03.11.2021 [in Rus.].
27. Trudolyubov A.S. (2019) *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 95—123 [in Rus.].
28. Turovskij R.F. (2013) *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, no. 12, pp. 159—167 [in Rus.].
29. Turovskij R.F., Korneeva E.M., Vaselenko O.S. (2020) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 10, pp. 121—132 [in Rus.].
30. Shilov V.N., Rylkina A.P. (2011) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 13 (108), iss. 19, pp. 176—184 [in Rus.].
31. Shilov V.N., Rylkina A.P. (2013) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 15 (158), iss. 27, pp. 164—175 [in Rus.].
32. Shpagin S.A. (2020) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 2 (56), pp. 263—273 [in Rus.].
33. Dahl R.A. (1971) *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven, Yale University Press, 257 p. [in Eng.].
34. Sakwa R. (2012) *East European politics*, vol. 28, iss. 3, pp. 310—327 [in Eng.].
35. Vanhanen T. (2003) *Democratization: a comparative analysis of 170 countries*. London, Routledge, 302 p. [in Eng.]

For citing: Vydrin O.V. Electoral competition in the elections of the representative local self-government bodies in Chelyabinsk: before and after the 2014 reform // *Socium i vlast'*. 2021. № 4(90). P. 69—82. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82.

UDC 324

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82

ELECTORAL COMPETITION IN THE ELECTIONS OF THE REPRESENTATIVE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN CHELYABINSK: BEFORE AND AFTER THE 2014 REFORM

Oleg V. Vydrin,

Chelyabinsk State University,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Political Sciences and International Relations.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

Abstract

Introduction. The article examines the dynamics of electoral competition over four electoral cycles from 2005 to 2019 as exemplified by forming representative bodies of local self-government in the city of Chelyabinsk. Particular attention is paid to the impact that the transition of Chelyabinsk to a two-tier model of forming local self-government bodies in 2014 had on the electoral competition. The purpose of the paper is to study the dynamics of electoral competition in municipal elections in Chelyabinsk before and after the 2014 reform.

Methods. The empirical basis of the study is the database “Electoral competition in the elections of municipal deputies of Chelyabinsk (2005—2019)”, which includes 414 observation units. The analysis of the empirical material is carried out according to the method of G.V. Golosov’s triangle of relative sizes, proposed for classifying party systems and adapted for analyzing elections in single-mandate constituencies.

Scientific novelty. The author suggests a methodology for analyzing electoral competition in single-mandate constituencies. For the first time, the phenomenon of “controlled competition” is analyzed on the basis of 4 municipal elections cycles.

Results. The analysis makes it possible to speak about fluctuations in electoral competition, its decline in 2009 and 2014 compared to the 2005 elections and increasing by the 2019 elections. **Conclusions.** The “controlled competition” was formed in Chelyabinsk in the period preceding the reform of 2014. The reform introduced a level of local self-government, the effectiveness and necessity of which is not obvious with the existing design of the electoral system. In the course of the reform, the principal-agent model of relations between local self-government bodies and state authorities was finally consolidated. The reform contributed to conserving the “controlled competition”.

Keywords:

local government reform,
elections,
electoral systems,
electoral competition,
two-tier model,
municipal political leadership,
Golosov’s triangle of relative sizes